

З Н А К И

С У Д Ь Б Ы

Марина
Ефимова

Потерянная
душа

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е 91

Оформление серии *А. Фереза*

Иллюстрация на переплете *В. Половцева*

Ефимова, Марина Владимировна.
Е 91 Потерянная душа / Марина Ефимова. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Знаки судьбы).

ISBN 978-5-699-67130-4

Анастасию не зря называли Нежной Соловухой. Тысячи людей приходили послушать ее проникновенный голос. Но однажды певице случилось пережить состояние клинической смерти, и это совершенно изменило всю ее жизнь. Теперь Настя не узнает знакомых, не может больше петь, но самое страшное — ее преследует чей-то разгневанный дух.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67130-4

© Ефиминюк М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Глава 1

ПРОБУЖДЕНИЕ
СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Заполненный людьми стадион напоминал черный безбрежный космос. На темных трибунах мерцали тысячи звезд — зажженных экранов мобильных телефонов. В воздухе разливался сильный, чистый голос певицы Анастасии Соловей, окутывающий слушателей невидимой вуалью. Этот колдовской голос обладал потрясающей способностью заполнять дыры в людских сердцах.

На огромном экране показывали стоящую в перекрестных лучах софитов девушку. Она походила на фарфоровую статуэтку: миниатюрная, гибкая как пруттик. Целиком погружившись в исполнение, артистка точно бы выворачивала наизнанку душу. Из-под прикрытых век струились слезы, нервные тонкие пальцы сжимали микрофонную стойку.

Удивительное пение словно переносило слушателей во вселенную, где исчезало время.

Никто из зрителей даже не подозревал, что певице, названной газетчиками Нежной Соловухой, казалось, будто она умирает на глазах многотысячной толпы. Сцена, как неустойчивая лодка, плыла под ногами, во рту пересохло, а животе горело смертельное пламя. Анастасия отчаянно боялась, что голос предательски сорвется и прозвучат фальшивые ноты. Худенькая девочка-женщина отдала бы полжизни за то, чтобы закончить выступление...

Вдруг колени ослабели и подогнулись. Девушка словно бы потеряла точку опоры. Влажные пальцы разжались, выпуская микрофонную стойку. Тело стало легким как пух, а за спиной развернулась бездонная черная пропасть. Мысли путались, сознание ускользало. Прежде чем погрузиться в ошеломительное чувство свободы, Настя еще успела с сожалением подумать, что так и не допела свою последнюю песню.

Под взглядом оцепеневшего стадиона похожая на хрупкую статуэтку юная певица упала словно подкошенная. Воздух все еще сотрясался от протяжной мелодии, но песня оборвалась. Чарующий голос смолк.

...День выдался отвратительный, промозглый и пасмурный. Даже в полдень на улице царили сумерки. Мелкий дождь подтачивал оседающие сугробы. Холодный воздух пах талым снегом и влажной землей.

Алла Викторовна стояла перед старым домом с остроконечной крышей и забитым фанерой чердачным окошком. Под ногами хлопало грязное месиво, портившее новые туфли. Металлический забор выглядел совсем новым и на фоне деревенского палисадника с корявым кустом голой сирени казался неуместным. Калитка была тяжелая, со сложным замком. Однако старый дверной звонок, заботливо спрятанный под крошечным козырьком, хозяева не потрудились поменять.

Женщина сложила мокрый зонтик и поднесла палец к кнопке звонка, но заколебалась. Алла Викторовна являлась заслуженным учителем России. Всю жизнь директорствовала в школе и пыталась привить детям трезвый взгляд на жизнь. В юности она считала себя непоколебимой атеисткой, работала освобожденным секретарем комитета комсомола, даже писала заметки в местную газету «Октябрь», где высмеивала людские заблуждения и суеверия. По сей день женщина

считала, что за ширмой магии и колдовства скрывались проходимцы, желающие заработать на мнительных глупцах...

Но в дом постучалась беда, и гордыня слетела. Алла Викторовна и в церковь сходила — поставить свечки за здравие, и в монастырь приложиться к святым мощам съездила. Может быть, не помогло, потому что она не умела молиться и не подобрала правильных слов? Теперь директор средней школы стояла перед домом известного колдуна.

Когда надежда, словно мелкий песок, утекает сквозь пальцы, человек готов поверить даже в разноцветную магию. Люди так устроены — им, как воздух, необходимо в кого-то верить и на что-то надеяться, иначе срабатывает механизм самоуничтожения.

Отбросив сомнения, женщина нажала на звонок. Последовала бесконечная мучительная пауза. Спустя долгие минуты во дворе басовито залаяла собака, слышались шаги. Прозвучал грохот железного засова, и калитка открылась.

Перед гостьей стояла высокая, с короткой мальчишеской стрижкой брюнетка, по виду чуть старше учеников Аллы Викторовны. Невольно взгляд женщины скользнул по худощавой спортивной фигуре и остановился на грязных галошах.

— Добрый день, — словно здороваясь с деревенской обувью, произнесла Алла Викторовна.

— Мы вас ждали, — вместо приветствия заявила хозяйка дома, кольнув пронзительным взглядом. — Меня зовут Варя.

— Алла Викторовна.

— Я знаю.

Школьная директриса оторопела на секунду. Откуда остроглазая девчонка знала ее имя? Потом вспомнилось, что, записываясь по телефону на прием к колдуну, Алла Викторовна представилась. В голове с новой силой вспыхнули неприятные мысли о мошенниках.

Двор оказался неприятно темным, неухоженным. К забору липли покосившиеся сараи. В саду догнивали последние годы коряжистые и, похоже, давно не плодоносившие яблони. Землю скрывали сугробы. В загоне за крупной сеткой заливался басовитым лаем волкодав. Алла Викторовна обвела запущенные уголья брезгливым взглядом. Истинная горожанка не терпела деревенской неряшливости.

Вероятно, заметив гримасу гостьи, Варя пояснила:

— Этот дом принадлежал бабушке Андрея.

Мы совсем недавно переехали и не успели толком обжиться. Все никак не привыкну к уличным удобствам.

— Переехали в деревню? — удивилась собеседница.

— Город высасывал из мужа силы. Дар любит свободу, — охотно пояснила хозяйка дома, сделав вид, что не заметила, как собеседница, словно ее ущипнули, вздрогнула на слове «дар». — А здесь свободы сколько хочешь. Стены не давят, улицы пустые, и воздух отличный.

Во дворе пахло отвратительно: помоями, сырой землей и отхожим местом, вероятно, спрятанным между сараями.

Дом был ровесником яблоневого сада и давно требовал капитального ремонта. Пристроенная веранда скособочилась. Полы скрипели. От старых обоев шел неприятный кислый душок. С порога гости попадали в крошечную, но идеально чистую кухню, добрую половину которой занимала огромная изразцовая печь.

Соседка по лестничной клетке, рассказавшая о колдуне, предупредила Аллу Викторовну, что парень — чистюля. Он сильно раздражался, когда гости проходили в ком-

наты в уличной обуви, и даже мог отказать в помощи.

Визитерша достала из сумки припасенные домашние тапки.

— После того как в этом году муж выиграл шоу экстрасенсов, к нему повалил народ, — забирая у Аллы Викторовны влажное от дождя пальто, поделилась Варя.

— Клиенты? — спросила та, из вежливости поддерживая беседу.

— Все больше скептики, — выразительно усмехнулась брюнетка, — пытаются проверить, обманывали по телевизору или правду показывали.

Вдруг клиентке стало ясно, что остроглазая хозяйка дома была старше, чем выглядела. А главное, гораздо проницательнее, чем показывала. Видимо, она распознала неверие и настороженность, спрятанные под скупыми, отрывистыми ответами гостыи.

— Проходите в зал, — девушка указала в сторону дверного проема, скрытого за занавеской. — Я позову Андрея.

Алла Викторовна вошла в большую комнату со старой мебелью. Взгляд наткнулся на серебристый ноутбук, стоящий на столе с вытертой клеенкой. Современный компьютер, вероятно, довольно дорогой, подействовал

на женщину подобно отрезвляющей оплеухе. Она вновь захлебнулась подозрениями и искренне пожалела, что послушалась соседку по лестничной клетке.

— Здравствуйте, — раздался за спиной приятный мужской голос. Неловко прижимая к животу сумку, Алла Викторовна обернулась. Колдун был молод, аккуратно причесан и выглядел точно так, как в телевизоре: с привлекательным лицом и с черными бездонными глазами, резко контрастирующими со светло-русскими волосами.

— Здравствуйте, — она помолчала, не зная, с чего начать.

— Вы приехали сюда из-за дочери, — прозвучало утвердительно. Обращаясь к клиентке, парень что-то рассматривал за ее плечом, точно не желал встречаться с женщиной взглядом. Алла Викторовна почувствовала себя неуютно и оглянулась назад, но увидела лишь цветной телевизор «Рекорд» на облезлой тумбочке советских времен.

— Она не проснется сама, — очень тихо произнес Андрей.

— Что?!

Болезненно сжалось сердце, от лица отхлынула кровь. Женщина тяжело облокотилась о стол.

— Можно мне присесть? — не дождавшись разрешения, клиентка рухнула на стул. От неуклюжего толчка старый стол зашатался и проснулся компьютер. Темный монитор вспыхнул. На нем появилась фотография красивой юной певицы с открытой белозубой улыбкой — Анастасии Соловей, журналистами прозванной Нежной Соловухой, дочери Аллы Викторовны. Она выглядела хрупкой и беззащитной, и лишь близкие знали, что под внешностью фарфоровой статуэтки скрывался негнувшийся стальной стержень.

— Ее душа покинула тело и не может вернуться, — буднично, точно объясняя правила написания сложного слова, вымолвил колдун.

Вдруг он резко повернул голову, следя взглядом за стремительными перемещениями невидимки. Секундой позже он повернулся вокруг своей оси и, замерев, улыбнулся пустоте. От жутковатого зрелища гостя оцепенела, забыв, как дышать.

— Она хочет проснуться, — сощурившись, вымолвил Андрей. — Говорит, что не успела спеть свою лучшую песню.

У клиентки зашевелились на голове волосы. Именно так частенько поговаривала

дочь, прятавшаяся в музыке от утомительной болезни!

Настасья с самого детства страдала аллергией на самые простые вещи: еду, шерсть, медикаменты, пыльцу цветов — список тянулся до бесконечности. В конце концов, как выяснила полиция, именно анафилактический шок на банальное лекарство от простуды стал причиной комы. Она упала без сознания посреди большого концерта, посвященного Женскому дню, и больше не очнулась.

Уже месяц опутанная трубками девочка лежала в больничной палате, похожей на гостиничный номер, и до ужаса напоминала мертвую. За нее дышал специальный аппарат, а другой — гонял по венам кровь. Судорожно удерживая в кулаке последние песчинки надежды, мать мечтала, чтобы дочь снова назвала ее насмешливо-ласково «мамусенька».

— Вы напрасно сняли деньги со счета, — снова произнес колдун, внимательно прислушиваясь к неразличимому для нормальных людей голосу с того света.

Женщина вцепилась в сумку, где в кармашке лежал конверт с купюрами для оплаты колдовских услуг. Соседка по дому так и не

раскрыла секрета, сколько заплатила мальчику-магу за помощь, а потому Алла Викторовна выгребла со сберкнижки все накопления до копейки.

— Вы указываете мне на дверь? — едва шевеля языком, пробормотала визитерша. Во рту стало горько. Она вдруг поняла, с каким отчаяньем хваталась за мысль о магическом вмешательстве. Колдун не хотел ее денег, а значит, не собирался помогать.

— Я всего лишь передаю вам то, что мне говорит Настасья, — парень остановил взгляд на клиентке, той моментально стало не по себе. Казалось, что он забирался под кожу и читал мысли.

— Так вы нам поможете? — потупившись, пролепетала женщина.

— Вы должны понимать, что смерть накладывает отпечаток на человеческую душу. Вернувшись, Анастасия может измениться до неузнаваемости. Стать совершенно другим человеком.

— Это неважно, — голос у клиентки предательски дрожал.

— Вы можете пожалеть.

— Такого не случится! — с жаром заверила женщина, прижав ладонь к тому месту, где взволнованно стучало сердце.